

Анатолий Фёдорович Кони

Мотивы и приемы творчества Некрасова

(Беглые заметки)

Оригинал здесь -- http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/BIO/KONI/AFKONI_Y.HTM

Статья была впервые опубликована в издании: "Некрасов. Памятка ко дню столетия рождения. 22 ноября 1821- 22 ноября (5 декабря) 1921 г., Пб., 1921, стр. 15-17. А. Ф. Кони написал ее в процессе чтения в послереволюционные годы многочисленных лекций о Н. А. Некрасове. По свидетельству В.Е. Евгеньева-Максимова, присутствовавшего на лекциях, статья эта дает представление о первой части лекций, состоявших обычно из общей характеристики поэзии Некрасова и личных воспоминаний Кони о нем (В. Евгеньев-Максимов, Некрасов и его современники, М., 1930, стр. 40). Статья перепечатана в пятом (посмертном) томе "На жизненном пути" (Л., "Прибой", 1929). Печатается по первой публикации с исправлением явных опечаток.

Недоброжелательство, зависть к материальной независимости поэта и злорадное восприятие всяких на него наветов часто отравляли жизнь Некрасова. Он сам отчасти подавал к этому повод, забывая совет житейской мудрости: *"Не говори о себе дурно - друзья твои об этом позаботятся"*. В обиход нашей панихиды входят прекрасные слова: *"Несть человек иже поживет и не согрешит - ты един кроме греха"*, - но не по мелким прегрешениям, а по лучшим сторонам и проявлениям выдающегося человека надо его судить. У нас делается обычно наоборот, и Боровиковский был прав, обращаясь к типическому хулителю Некрасова со словами: *"Ты сосчитал на солнце пятна и проглядел его лучи"* [1]. Некрасов не хотел просить пощады у своих врагов (*"Что враги? пусть клеветуют язвительней - я пощады у них не прошу"* [2]), но в минуты уныния и щемящей душевной горечи относился к себе с резким осуждением и взывал к светлому образу своей матери о нравственной помощи. Этими самообвинениями и самобичеванием, этой "явкой с повинной" пред народом, хотя каяться пред последним было не в чем, он давал пищу клевете.

Среди отзывов о нем не только со стороны "самодовольных болтунов, охотников до споров модных", но и со стороны некоторых критиков, как, например, Страхова, Евгения Маркова, Полевого и, к сожалению, Тургенева, часто выражалось сомнение в его искренности как печальника горя народного, в стихах которого *"поэзия и не ночевала"* [3]. И действительно, пение птичек, благоухание цветов - *"в дымных тучках пурпур розы"* и *"шепот, робкое дыханье, трели соловья"* [4], не находят себе места в стихах этого, по отзыву одного из хулителей, *"земного поэта"* [5], часто страждущего физически и почти всегда нравственно. Он остается всю жизнь верен завету Гоголя - молить себе у бога гнева и любви [6] - и почерпает эти чувства не из искусственно созданного настроения, а из глубоко вонзившихся в душу впечатлений целой жизни, начиная с раннего детства, заставляющих его, по красивому испанскому выражению, *"кричать устами своей душевной раны"*.

Вот его детство *"среди буйных дикарей"* в усадьбе отца, - жестокого и бездушного насильника, - вокруг которого *"разврат кипит волною грязной"*, и где страдает чистая и благородная мать, где приходится сливать слезы детского испуганного и трепещущего сердца со слезами оскорбленной и поруганной женщины. Куда уйти? Где отдохнуть от этой горькой обстановки, чтобы забыться хотя бы на время среди других картин? Пойти на берег соседней Волги? - Но там вереницей, в своеобразных хомутах, тащут барки унылые и сумрачные бурлаки *"с болезненным припевом "ой!" и в такт мотая головой"*, так незабываемо изображенные Репиным... [7]

Уйти в противоположную сторону? - Но там так часто идут на Владимирку по дороге в далекую и страшную Сибирь ссыльные и каторжные с выжженными клеймами на лице и бритой половиной головы, бряцающая цепями, сменяясь по временам партиями горестно оплаканных семьей рекрутов, отправляемых на долгую безрадостную и исполненную бездушной строгости и бессмысленной шагистики, службу. А кругом - и дома, и у соседей, - в мрачной области крепостного права, грубые проявления власти владельцев крестьянских "душ".

Вот где корни любви и гнева, проникающие поэзию Некрасова, вот первоначальный источник его